

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

АПОКРИФИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В САМАРИТАНСКОЙ КНИГЕ ИИСУСА, СЫНА НАВИНА, И ОДИН ИЗ ЭПИЗОДОВ АРМЯНСКОГО ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

Жамкочян А. С.

Как известно, собственно библейский канон для самаритянской общины ограничен Пятикнижием в особой редакции, переведенным в свое время на арамейский, арабский и, возможно, греческий языки. Более поздние события священной истории отражены с исторически обусловленной точки зрения в ряде хроник. Наибольшую информацию содержат хроники, составленные на ставшем обиходным в самаритянской общине, по крайней мере с XII в., арабском языке. Одна из таких хроник носит условное название арабо-самаритянской Книги Иисуса, сына Навина¹, и сохранилась в рукописи, датированной 1362 г., а также во фрагментах из Российской Национальной библиотеки разного времени²; значительные отрывки из этой хроники были включены в 1355 г. в более полную хронику Абу-л-Фатха³.

Один из эпизодов повествования заслуживает особого внимания как несомненно связанный с древнейшей историей армянского народа.

Повествование обеих самаритянских хроник в данном месте в основной части в общих чертах совпадает с известной библейской Книгой Иисуса, сына Навина. В хронике Абу-л-Фатха, где текст не разделен на главы⁴, есть интересное отступление.

¹ *Juyboll Theodor Willem, jan. Chronicon samaritanum arabice conscriptam, cui titulus est Liber, Josuae Lugduni Batavorum, 1848.*

² *Жамкочян А. С. Самаритяно-арабские рукописи Книги Иисуса Навина в Российской Национальной библиотеке // Арабский мир в конце XX века: Материалы первой конф. арабистов Ин-та востоковедения РАН. М., 1966. С. 78—87.*

³ *Abu-l-Fathi Annales samaritani quos ad fidem codicum manu scriptorum Berolinensium, Bodlejani, Parisini edidit et prolegomenis instruxit Eduardus Vimar, Gothae, 1865; Stenhouse P. The Kitab al-Tarikh of Abu'l-Fath // Mandelbaum Judaica. Series 1. Sydney, 1985; Жамкочян А. С. Самаритянская хроника Абу'л-Фатха из собрания Российской Национальной библиотеки. М., 1995.*

⁴ *Abu-l-Fathi Annales... Р. 17; Жамкочян А. С. Самаритянская хроника... С. 38.* В основу данной статьи положен перевод хроники Абу-л-Фатха, сверенный с арабским текстом самаритянской Книги Иисуса, сына Навина. Несущественные для сюжета риторические подробности пропущены и заменены многоточием в угловых скобках <...>, собственные имена даны в традиционном самаритянском

Повествование повторяет уже изложенные события, добавляя новые подробности:

Расскажем сейчас о том, что произошло у него в войнах. Сыны Израиля прожили спокойно до завершения двадцати лет от прихода их на землю Кана'ан, без беспокойства, без волнения.

И был убит Хамам, сын Ра'уана, царя персов, среди тех царей, которых убил Ие'уша. Затем вырос у него сын по имени Шубак, и был он очень богат и могуществен <...>. И стал он переписываться с царями во всех странах, затем он сказал, что хочет отомстить за своего отца и написал ко всем ханаанянам, напомнив им о том, что сделали сыны Израиля с их детьми и женами и городами. Затем послал царю Великой Армении и Малой Армении...

Эта подробность не может не привлечь внимания. Упоминание Великой Армении и Малой Армении в таком контексте интересно само по себе в нескольких отношениях. Во-первых, в собственно армянской традиции такие названия действительно существовали. Они упоминаются также в работах средневековых арабо-мусульманских авторов⁵. Составитель хроники, живший, очевидно, ок. XIII в., какое-то представление об этом имел. Во-вторых, интересно также само написание этого названия, варьирующееся в разных рукописях: Армуния⁶, Арминия⁷, Админия⁸ и Румия⁹. Последний вариант, означающий Рим (или Второй Рим — Константинополь), явно произошел от первого, что подтверждается также и «Путешествием Джона Мандевиля» — произведением самим по себе скорее фантастичным, но несомненно отражающим реалии своего времени¹⁰.

Такая непривычная форма, как «Армуния», отражает, по-видимому, диалектное произношение соответствующей эпохи. То же самое мы наблюдаем и в формах «Кустантуния» или «Кустуния» (означающих Константинополь), засвидетельствованных в самаритянских хрониках.

Возможно, что в процессе переписки название «Армения» у арабов могло превратиться в «Румия», и это побуждает к внимательному рассмотрению соответствующих контекстов.

Затем послал царю Великой Армении и Малой Армении и обратился к сыну Йафета-Могучего сам и послал также к царю Сайды (Сидона), и ал-Кимуна, и царю аш-Шама (Сирии) <...>, и договорились встретиться в ал-Кимуне и решили написать письмо к Иеуше (Иисусу) сыну Нона (Навина) <...>.

произношении, в скобках приводятся принятые русские формы по синодальному переводу.

⁵ Китаб Нузхат ал-Муштак фи зикри-л-амсар ва-л-аткар ва-л-булдан ва-л-булдан ва-л-Джузур ва-л-Джузур ва-л-мадаин ва-л-афлак. Рим, 1592.

⁶ Liber Josuae... P. 26; Leiden University Or. 249. P. 124—125 (1 cod.!).

⁷ Abu-l-Fathi Annales... P. 17 (cod.!).

⁸ РНБ Фирк. Сам. VI 12 f. 10 v. (кодекс D).

⁹ Liber Josuae... P. 26, Leiden University Or. 249. P. 124—125 (2°).

¹⁰ Wright T. Early Travels in Palestine. London, 1848; P. 129. The Little and Great Ermony.

От общества богатырей знаменитого, известного, прославленного <...> Йеуша', сыну Нона, и людям его, пастухам, от нас тебе мир, узнали мы, хищные волк, о том, что ты сделал в городах наших друзей, погубил старейшин, <...> разрушил тридцать городов, кроме жилищ и селений, <...> и сейчас, знай, о хищный волк, что мы идем к тебе <...> и учиним с тобой войну в Мардж Балата, перед горой, на которой ты поклоняешься Господу своему, через тридцать дней, знай, что среди нас тридцать шесть царей, с каждым царем из них шестьдесят тысяч всадников, кроме пеших, которым нет числа, и среди нас Ибн Иафет ал-Джаббар (из Великой Армении)...

Вызывает вопросы второе упоминание «сына Йафета-Могучего» («Ибн Иафет ал-Джаббар») из Великой Армении. Эта подробность приводится только в хронике Абу-л-Фатха. В Библии имя Йафет носит только один из сыновей Ноя. В середине века древнееврейскому имени «Йафет» традиционно соответствовало арабское «Хасан». Ответить на этот вопрос, возможно, смогут будущие исследователи.

Далее сообщается, что посланник прибыл к Йеуше (Иисусу Навину) накануне праздника; пока люди веселились, Йеуша обдумывал ответ и по завершении праздника прочел его старейшинам.

Текст ответа приводится в обеих хрониках, причем Абу-л-Фатх признается, что сохранил его. Затем идет красочная сцена чтения письма перед царями.

Затем, не успел он закончить читать письмо, как они сникли и заплакали вместо слез кровью, отрезали себе волосы, порвали свою одежду и сказали: «Горе нам и детям нашим. Погубили мы себя, пробудили спящего льва, отвязали привязанного слона, навлекли гибель на самих себя своими руками». Тут вышли вперед колдуны, а с ними мать Шубака, сына Хамама, потому что она была искусна в деле колдовства, и сказали им: «Успокойте свои сердца, облегчите грудь — вы сами себя погубили своими делами, раньше гибели, и погубили войска ваши, знайте же, что мы устроили колдовство против сынов Израиля, и не будет нам от них ничего, это они скоро погибнут и не бойтесь их». Это то, что было у них; Йеуша же, после того, как посланник ушел от него, начал устраивать свое войско, смотреть, какое оно, и выбрал из каждого колена тысячу мужчин, все они — молодые бойцы, снаряженные и готовые, двенадцать тысяч отборных воинов, и Финас-первосвященник сопровождает их, а трубы у него в руке. Когда прошло семь дней, прибыл Йеуша в Мардж-Кимун, увидел войска богатырей и остановился в середине луга. И когда приблизился к ним, сам не знал, как вдруг очутился между семью железными стенами, он и все его войско. Свершилась над ним хитрость колдовства. И остановился Йеуша перед Господом своим, плача и унижаясь, прося у Господа своего избавить его и сынов Израиля, а богатыри в то время были в великой радости, а сыны Израиля плакали и вопили к Богу, прося у Него избавления. И стал Йеуша просить Господа своего прислать голубку, и вдруг голубка опустилась ему на колени, и он написал письмо Набиху, сыну своего дяди, правителю двух с половиной колен, как будет сказано, говоря ему: «О Набих, в тот же час, как получишь эти слова: если будешь спать — пробудись, а если будешь бодрствовать — сядь, а если будешь сидеть — встань, а если будешь стоять — иди, а если ты в пути — торопись, я и все твои братья — сыны Израиля между семью железными стенами из-

за колдовства в ал-Ладжуне, а все враги наши в ал-Кимуне, и мы гибнем».

Он сложил письмо, и голубка выхватила его клювом, поднялась, полетела и бросила письмо на колени Набиху, а он сидел на престоле своего царства, верша дела своих людей. И он открыл письмо, и прочел его, и не успел закончить читать его, как омыл его своими слезами, рассердился, и усилился его гнев, и разгорелся огонь в его сердце и внутренностях его, и он встал с престола своего царства и закричал самым громким голосом, с великим плачем: «Скорее, скорее. Огонь! Огоны!». И собралось к нему его войско со всех мест, и вышел Набих как грохочущий гром, крича со всеми своими людьми: «Скорее! Скорее! Огоны! Огоны! Никакой тишины! Никакого покоя!» И исчезла земля от пыли, и поднялись птицы в небо от силы и крика, и все гады земные опустились до седьмой земли от страха. И двинулся Набих со всем своим войском и прибыл на большой луг. Затем мать Шубака, сына Хамама, поднялась на крышу для поклонения звездам, по обычаю, и увидела идущих с востока Набиха со своими людьми как яркую луну и яркие звезды вокруг, и спустилась к своему сыну, и сказала ему: «Яркая луна показывается с востока, а вокруг нее много звезд, и если они против нас — о горе нам, а если за нас — то счастье нам». И разозлился на нее за то, что поспешила к нему с недобрым, и убил ее, да не помилует ее Бог Всевышний! И вышел Шубак, сын Хамама, и двинулся к Набиху, и все его войско с ним.

И сказал Шубак Набиху: «Как твое имя?» И ответил тот ему: «Имя мое Набих, сын Афара, сына Галада, сына Макара, сына Манаши, сына Йусефа (Йосифа), владельца царства, сына Йакуба (Йакова), сына Исхака (Исаака), сына Ибрахима (Авраама), который убил царей аш-Шама (Сирии). И еще, послал меня Бог, чтобы убить тебя, о преступник, о нечистый». И сказал ему Шубак: «Я тот, у кого царство, и мое имя Шубак, сын Хамама, сына Фота, сына Ама (Хама), сына Нуха (Ноя), которого благословил Бог, когда тот выходил из ковчега». И сказал ему Набих: «Кто метнет первым?» И сказал Шубак: «Я метну первым». И сказал Набих: «Мечи, о преступник, о нечистый. Я прошу помощи против тебя у моего Бога».

И пустил Шубак первую стрелу, и наклонил Набих голову, и миновала его стрела, и не поразила его, затем метнул вторую стрелу, и поднялся Набих в воздух, и прошла между ним и между его седлом. И метнул третью стрелу, и схватил ее Набих рукой. И Шубак пустился в бегство, и сказал ему Набих: «Куда бежишь? Я принял от тебя три свидетельства, прими же от меня одно свидетельство, возьми же его от десницы, которую благословил посланник Бога Всевышнего».

И пустил Набих стрелу, и поднялась в небо, и опустилась на голову того, на печень его и на печень коня его, и погрузилась в землю на пять локтей по царской мере, и на ее месте пробился источник воды, который называется «Источником стрелы» до сегодня.

Здесь в заключительных строках, по-видимому, содержится наиболее интересное место в соответствующем эпизоде. Чрезвычайно важно, что оно до подробностей совпадает со сценой поединка, содержащейся в знаменитом эпосе «Давид Сасунский»¹¹.

¹¹ Давид Сасунский: Армянский народный эпос / Вступ. ст., примеч. Л. Мкртчяна. М., 1982. С. 273 и сл. (перевод В. В. Державина).

...И Мелик у Давида спросил: «Как нам биться — сразу или чередой?»
«Как угодно душе твоей», — молвил Давид. И Мелик говорит:
«Я хочу чередом. Пусть трижды один ударит сперва,
Пусть трижды второй ударит потом.
Решим, кто первый будет бить».
Давид сказал: «Ты, старший, первый бей».
На землю слез с коня Давид,
Средь поля стал, сказал:
«Бей! очередь твоя.
Трижды ударь меня».
Взял палицу свою Мелик,
К Фаркену поскакал.
И, миновав трехдневный путь,
Коня поворотил
И, на Давида налетев,
С разгона палицу пустил.
Земля загудела, взвыла, как пес от удара,
Как под плугом, что сорок волов волокут,
Распоролась, взрыхляясь, земля!
Тучи пыли небо и землю затмили,
Эта пыльная мгла за сутки осесть не могла.
Крикнул Мелик: «Ты землей был, Давид,
И я тебя в землю опять превратил».
Тут голос Давида загрохотал:
«Жив я! Жив пока!
ударь... ударь еще раз!»
«Ай-ай, — сказал Мелик, —
Видно, короток был мой разбег,
Был в палице мал размах,
Чтоб Давида сровнять с землей!»
Вновь повернул коня Мелик,
Диарбекира достиг.
На Давида оттуда Мелик налетел
И в Давида палицу с маху пустил.
Загудела земля, словно лев зарычал,
Разорвалась земля, словно ливни размыли ее
Тучи пыли и небо, и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.
Два дня и две ночи пыль над Давидом стояла.
И спросил Мсра-Мелик: «Эй, Давид! Жив ли ты?
Ты был землей и стал землей!»
Но Давид отвечал: «Я пока еще жив.
То второй удар! Ударь еще раз!»
«Эх, эх! — сказал Мелик, —
Был мал разбег моего коня!
Был размах моей палицы, знать, невелик,
Чтобы разом Давида убить!»
И снова ускакал Мелик,
До Мсыра доскакал.
От Мсыра разогнал коня
И грянул палицей в Давида.
Словно под громом весенней грозы
Вздрогнула земля,
Словно от землетрясения
Задрожала и затрещала земля,

Тучи пыли небо и землю закрыли,
 Затмили солнечный свет.
 Над полем три дня и три ночи плыла
 Густая, пыльная мгла...
 Мелик сказал: «Убит Давид —
 Раздавлен палицей моей.
 Он был землей и стал землей!»
 На третий день, только мгла от земли отошла,
 Виден стал Давид на коне Джалали.
 Сказал: «Ты три удара мне нанес,
 И очередь моя теперь».
 «Тьфу, — говорит Мелик, — дай я еще пойду!»
 «Нет! — отвечал Давид. — Куда тебе идти?
 По уговору — мой черед!
 Мир держится порядком иль насилием?»
 Пришла Мелика мать, Исмил-ханум,
 И говорит: «Давид! Мелик — твой брат
 Не поступай вероломно с ним!»
 «Вероломства не бойся, мать!
 Честно я три удара ему нанесу!»
 Мелик сказал: «Давид, прошу тебя,
 Дай срок мне — семь часов,
 Я лягу под шатром,
 Ты бей меня тогда».
 Давид ему: «Поди, ложись.
 Но ты скажи сперва:
 Чем мне тебя ударить палицей или мечом?»
 Мелик подумал так:
 «Коль этакой палицей грянет Давид,
 удара не выдержу я...»
 И вслух сказал: «Ударь мечом!»
 Пришел Мелик в шатер и матери сказал:
 «Трижды я ударил его —
 С ним не сделалось ничего.
 Теперь Давид придет и здесь меня убьет».
 А мать ему: «Сын, в яму полезай!»
 Спустился в яму Мсра-Мелик.
 Вот сорок буйволовых шкур взвалили на него,
 Огромных сорок жерновов взвалили на него,
 Накрыли одеялом жернова.
 Мелик ухмыляется, в яме сидит,
 «Ну, — думает, — пусть ударит Давид!»
 Хитрость его Давид угадал,
 Пришел он, видит — гора жерновов,
 Под одеялом лежат жернова,
 Будто сам улегся Мелик,
 И тут же мать Мелика стоит.
 Но Давид не сказал:
 Мол, дай погляжу,
 Где укрылся Мсра-Мелик?
 Вскочил Давид на Джалали,
 До Цовасара доскакал
 И вскинул молнию-меч,
 Назад коня погнал,
 Чтоб нанести удар.

Тогда Исмил-ханум открыла грудь свою,
И преградила путь, и говорит: «Давид!
Я кормила тебя! Я растила тебя!
Ты за это мне первый удар подари!»
Давид спросил: «Марэ! Почему же до сих пор,
Как удары Мелика обрушивались на меня,
Ты ни разу не молвила: "Сын, подари мне удар?" —
И опустил свой меч Давид — взмахнул им, поиграл,
Потом поцеловал клинок,
И приложил ко лбу, и молвил: «Мать,
Первый удар тебе я дарю!»
И снова ускакал Давид,
И вновь принеся с гор, чтобы нанести удар.
Сестра Мелика преградила путь:
«Давид, когда ты был дитя,
Я нянчила тебя, играла я с тобой...
Подари мне этот удар!»
Вновь опустил свой меч Давид —
Два раза им взмахнул,
Поцеловал клинок.
И приложив его ко лбу, сказал:
«Второй удар тебе дарю!
Остался лишь один удар — да Бог, да я!
Убью иль пусть живет...»
Вновь повернул Давид,
К Сасуну поскакал
И от Сасуна взял разбег,
Уж приближался к яме он.
Увидела его Исмил-ханум —
И вот всем девушкам своим, что привезла с собой,
Она приказ дала:
«Скорее — дуйте в свирели!
Скорее — в трубы трубите!
Скорее — в бубны гремите!
Тамбуры в руки берите!
Красиво, мило пляшите!
Это Давид — молодой, неженатый,
Он заглядится — слабо ударит
И не убьет Мелика!»
Девушки встали,
Взяли свирели,
В трубы и бубны
Вмиг заиграли
И заплясали.
Но понял Давид все хитрости их,
«Зачем они пляшут? — подумал он, —
Заворожишь меня хотят?»
Воскликнул: «О, Высокая Марут!
О, ратный крест!»
И грянул молнией-мечом,
Меч расколол все сорок жерновов,
Рассек все сорок буйволовых шкур,
Чудовище Мелика разрубил,
Рассек от лба до ног
И на семь гязов в землю врос,

Дошел до черных вод, —
 И, если б ангел не заткнул дыру,
 Они бы затопили мир...
 Из ямы крикнул Мсра-Мелик:
 «Еще я жив, Давид!
 Руби еще!»
 Давид ответил: Мсра-Мелик, а ну встряхнись!»
 Встряхнулся в яме Мсра-Мелик,
 И развалился пополам,
 И окошел Мелик.
 «Марэ, — сказал Давид, —
 Снять надо одеяло — поглядеть!»
 «Нет, — говорит, — уйди, мы снимем без тебя».
 Давид подъехал к груде жерновов,
 И сбросил одеяла,
 И видит: сорок жерновов
 Все пополам расколоты мечом.
 Взял отшвырнул он жернова,
 Глядит — все сорок шкур
 Разрублены его мечом.
 Тут к яме подошла Исмил-ханум
 Зовет: «Мелик, Мелик!»
 Молчала яма...
 Так сидели Меликова мать и сестра
 И рыдали.
 А потом обратилась к Давиду ханум:
 «Давид, убил ты Мсра-Мелика...
 Но ведь и ты — мой сын, Давид!
 Иди, возьми его жену.
 Сасун, как был, — твоя земля,
 И Мсыр теперь твоя земля!»
 Давид ответил ей:
 «Я родился у матери — чист. Не смешаю
 С правдой — лживое, скверное — с чистым.
 Если хочешь, в Сасун я тебя заберу».
 Та в ответ: «Нет, сыночек Давид,
 Я в страну Сасун не пойду».
 Сказал: «А в страну Сасун не пойдешь —
 Вернись. Мсыр тебе отдаю — живи!»
 Покинул Давид шатер.
 Он к войску коня Джалали повернул.
 Кто из полководцев и войск уцелел —
 Он всех их призвать велел и сказал:
 «Вам всем дарую волю я!
 Идите все туда, откуда вы пришли.
 Идите по домам, живите как вы жили,
 И дани с вас не нужно мне.
 За жизнь мою молитесь и за души
 Родителей моих!
 Сидите дома у себя спокойно,
 Не вздумайте ходить войною на Сасун!
 Но коль подымете вновь оружие против нас
 Коль нападете вы вновь на нас, — то знайте:
 В какой бы яме ни сидели вы,
 Какими б жерновами

Ни укрывались вы,
По чести встретит вас Давид,
Вас молния — меч сразит!»
Войско благодарило Давида
За милость благословляло его,
Не верилось людям сперва,
Что нет Мелика в живых...
Говорили: «Давид, мы умрем за тебя
Бог помоги тебе на всех твоих путях,
Во всех твоих делах!
Дай Бог здоровья тебе!
Царство небесное Мгеру — отцу твоему
И матери твоей Армаган!»
Исмил-ханум и войска восвояси ушли,
Все там бывшие войны и полководцы
Во все стороны света к себе разошлись.
И о подвиге славном Давида
Всюду весть разнесли —
Мол, исполнил Давид отцовский завет,
Мелика убил Давид,
Освободил Сасун.

Упоминание Армении и почти буквальное совпадение соответствующих эпизодов вряд ли случайно. Скорее всего, здесь мы имеем дело с древнейшими памятниками традиции, общей для народов, достаточно близко соприкасавшихся в древности и раннем средневековье.